

ГЕОРГИЙ ЦАГОЛОВ

д.э.н., член-корреспондент РАЕН

МИР И МЫ

БРИК, БРИКС или...?

В конце минувшего века в Америке вышла книга Джима О'Нила "Карта роста: экономические возможности стран БРИК и за их пределами" (Jim O'Neill, *The Growth Map: Economic Opportunity in the BRICs and Beyond*, New York, Portfolio / Penguin, 2011). Её автор руководит подразделением по управлению активами "Голдман Сакс" – одного из крупнейших нью-йоркских банков с филиалами и представительствами по всему земному шару. Десять лет назад он решил объединить четыре развивающиеся страны (Бразилию, Россию, Индию и Китай) по ряду признаков – быстрые темпы роста, большие внутренние рынки, перспективные потенциалы их развития, а также по мировому весу в политических решениях. Дж. О'Нил предрек, что настанет эра, когда именно эта "четверка", а не США, Великобритания, Германия и Япония будут лидерами мировой экономики. Так родилась концепция БРИК. Тогда прогнозы о стремительном подъеме названной группы государств казались чудачеством.

Однако акроним оказался не только популярен, но и стал жить независимой от его создателя жизнью. Пожалуй, ни одной другой экономической идее в XXI веке не удавалось столь быстро воплотиться в действительность. В 2006 году произошел четырехсторонний контакт министров иностранных дел, а начиная с 2009 года БРИК проводит ежегодные саммиты, на которых обсуждаются вопросы взаимодействия на мировой арене. Группа стала признанным всеми геополитическим и инвестиционным фактором. В странах БРИК живет около трех миллиардов человек – более 40% всего 7-миллиардного населения планеты.

Торговля между членами организации развивается особенно динамично. Бразилия и Россия активно поставляют сырье, в котором так нуждаются Индия и Китай. Лидеры группы уже обсуждают альтернативы использования американского доллара в качестве основной валюты для торговых расчетов, рассматривают возможности создания общего банка. Китай и Бразилия ста-

ЦАГОЛОВ Георгий Николаевич, ученый и публицист, доктор экономических наук, член-корреспондент РАЕН, профессор Международного университета в Москве. Член Союза писателей России. Член Общественного совета газеты «Слово». Автор книг (в том числе переведенных на многие языки мира): "Миллиардеры из провинции", "Миллиарды на оружие", "Военно-промышленный комплекс США", "Бизнес-долголетие: новый тип российских миллионеров", "Модель для России", "Кризис и модернизация", "Конвергенционный набат".

ли мощными магнитами, притягивающими прямые иностранные инвестиции. В прошлом году в состав объединения была приглашена ЮАР, ставшая его пятым членом. Коалиция стала представлять интересы влиятельных и набирающих силу развивающихся государств четырех континентов: Европы, Азии, Латинской Америки и Африки – и приобрела в полном смысле глобальный формат. Уже сейчас на неё приходится свыше четверти мирового ВВП. Аббревиатура БРИК превратилась в БРИКС (последняя буква означает South Africa).

Впрочем, сам изобретатель термина не одобряет включения Южной Африки, считая, что её экономика пока что слишком мала для этого. Подводя итоги десятилетия своего теоретического нововведения, Дж. О'Нил высказывает прогнозы на будущее, указывая, где теперь следует искать потенциал роста. Им называются следующие одиннадцать стран (Next eleven, или вкратце N-11): Бангладеш, Египет, Индонезия, Иран, Южная Корея, Мексика, Нигерия, Пакистан, Филиппины, Турция и Вьетнам. А среди них он в первую очередь выделяет четыре страны, которые в скором будущем могут стать такими же важными, как БРИК: Южная Корея, Мексика, Турция и Индонезия. «Хотя ЮАР, – подмечает банкир-экономист, – сейчас является крупнейшей экономикой Африки, она составляет приблизительно 0,5 процента от глобального ВВП и около половины объема экономики Индонезии или Турции».

Все восемь стран (БРИК и новая «четверка»), по словам О'Нила, надо уже отнести не к «развивающимся рынкам» (emerging markets), а к «растущим рынкам», или к «рынкам роста» (growth markets). Основным критерием принадлежности к этой группе он считает долю в мировом ВВП, которая должна превышать 1 процент. Главной «экономикой роста» в «восьмерке» является Китай (9,3% мирового ВВП), который по этому показателю занимает второе место в мире после США. ВВП Бразилии, Индии и России вместе составляют 8 процентов, а четырех «новичков» – 5,5 процента. Все другие экономики следует, согласно мнению автора, продолжать рассматривать как развивающиеся рынки. Лейтмотивом книги «Карта роста» служит тезис: инвесторам следует ухватиться за те возможности, которые предоставляют экономики Бразилии, России, Индии, Китая и других «growth markets».

Признавая, что успехи нашей страны в области экономики бесспорно скромнее остальных членов БРИК, О'Нил всё же видит её перспективы в радужных тонах: «России достаточно просто избегать экономических кризисов. Если это удастся, её ВВП может превысить показатели Италии к 2017 году, а в период с 2020 по 2030 год последовательно потеснить Францию, Великобританию и, в конечном счете, Германию». Заглядывая ещё дальше, эксперт полагает, что если Россия остановит убыль населения, то к середине века при среднегодовых темпах роста в 3–4% увеличит ВВП до 10 триллионов долларов – более чем в 6 раз по сравнению с нынешним. Он исходит из того, что в будущем «большая четверка» станет ещё устойчивее к глобальным финансовым и экономическим потрясениям.

Основной потенциал развития БРИК им видится на внутренних рынках и в расширении взаимной торговли. Автор считает, что западные критики России «ослеплены политической антипатией», что у нас имеются условия для диверсификации экономики и определенные преимущества в системе образования.

Тем не менее, число критиков экономики России на Западе меньше не становится. Основатель немецкого инвестиционного фонда WAM Йохен Вермут уверен, что экономическая стабильность, воцарившаяся в России в нулевые годы, превратилась в «застой», «грозный членству страны в неформальном клубе БРИК». Причиной тому, по его словам, служат высокая коррупция, отсутствие реформ, сырьевая зависимость и медленные темпы экономического роста. «Если Россия и дальше будет стагнировать, её де-факто исключат из этой группы», – заявил он недавно агентству Рейтер.

Как никогда прежде на российскую экономику ополчились в конце минувшего января на Всемирном экономическом форуме в Давосе. Американский экономист иранского происхождения профессор Нью-Йоркского университета Нуриэль Рубини, прославившийся предсказанием глобального кризиса, и президент Eurasia Group английский экономист и банкир Ян Бреммер в ходе совместного интервью утверждали, что за 10 последних лет «товарищи» по БРИК ушли от России далеко вперед. Экономика страны, подмечали они, совершенно не диверсифицирована, а её успехи связаны с нефтяным богат-

ством, помноженным на высокие цены на углеводороды. Будущее России, по их мнению, выглядит малообещающим по причинам низкой конкурентоспособности экономики, непрозрачной структуры власти и тотальной коррупции чиновников. По разным международным рейтингам (экономической свободы, предпринимательской активности, технологическому развитию и др.) Россия, продолжали они, оказывается в конце списков и позади своих партнеров, что раньше, что теперь. Кроме того, она хуже всех остальных перенесла экономический кризис. В связи с этим ими было предложено заменить Россию в объединении на Индонезию или Турцию.

С ними солидарен экономист транснационального инвестиционного банка JP Morgan Анатолий Шаль: «Основная идея БРИК состоит в том, что это быстрорастущие страны, которые через 20–50 лет станут экономическими тяжеловесами. Но Россия сейчас не растет такими темпами, потенциальный темп экономики значительно снизился. И с этой точки зрения будет действительно справедливым исключить Россию из БРИК». А генеральный директор работающего в России с 1993 года международного алюминиевого гиганта ALCOA Клаус Кляйнфельд привел следующий пример аномальных условий для бизнеса в России: «Мне больно и обидно это видеть. Я честно сказал Дмитрию Медведеву, что не могу поверить, что в налоговую инспекцию нам пришлось представить 115 000 страниц документов на один объект».

Как же отнеслись к этим словам российские эксперты? Кем-то было замечено, что группа БРИКС формально не является международной организацией, и не совсем понятно, «как оттуда нас можно выгнать». Кроме того, они апеллировали к тому, что в ближайшие годы инвестиционный климат в России должен улучшиться. Ведь анонсировал же В. Путин о том, что у страны есть задача подняться на 100 ступеней – с 120-го на 20-е место в рейтинге (Doing business), оценивающим условия для ведения бизнеса. На что сомневающийся западный оппонент вопрошал: «Не слова ли это? До этого ведь сидели десять лет на нефтяной игле, и ничего – никто не шевелился».

Справедливости ради следует отметить, что за время правления Путина сначала в качестве президента, а потом премьера ВВП России на душу населения всё же удалось почти удвоить, а разрыв в производительности труда с США также испытал позитивную динамику – уменьшился с 75% до 60%.

Европа во мгле

В середине 2009 года президент РФ Д. Медведев на Петербургском Международном экономическом форуме заметил, что, хотя наиболее острая фаза кризиса преодолена, шампанское открывать пока рано. И сейчас столь же очевидно, что не стоит этого делать. Эпицентр драматических событий с тех пор переместился из Америки в Европу, где долговые проблемы ряда стран грозят развалить еврозону. «Не туман, а мрак», «Говорим «кризис», подразумеваем «Европа», «В 2012 году нас накроет волна корпоративных дефолтов», «Греческая трагедия для Европы» – гласят заголовки статей о состоянии дел в Старом Свете.

Еврокомиссия пришла к выводу, что в 2012 году зона евро, в которую входит 17 государств, не сможет выйти из кризисной полосы, и рецессия, хотя и «умеренная», будет продолжаться. В Евросоюзе, объединяющем 27 стран, ожидается, в лучшем случае, стагнация, то есть нулевой рост. В двух западноевропейских экономических локомотивах – Германии и Франции – прогнозируется спад экономических показателей. Прирост ВВП в них не превысит 0,6% и 0,4% соответственно. Объем ВВП Италии сократится на 0,8%, на 0,2% уйдет в рецессию Испания, а экономика Греции упадет на 6%.

Главной причиной такого неблагоприятного положения стало скопление небывалых государственных долгов в Греции, Италии, Испании, Португалии и ряде других государств региона. Вследствие этого фискальные стимулы, действовавшие прежде, теперь уже неэффективны, и наступила эпоха жесткой экономии, усугубляющая ситуацию. Сокращение производства и разорение значительной части фирм и предприятий в свою очередь усиливает неустойчивость и вялость европейских рынков.

Европейский Центробанк вынужден время от времени включать печатный станок, и евро девальвируется. Небеспочвенны прогнозы дальнейшего снижения курса евро по отношению к доллару. Есть и те, кто считает, что при

сильном экономическом спаде на континенте обе валюты могут сравняться. Развала еврозоны, вероятно, не произойдет, но Греции, скорее всего, придется уйти, так как страна в принципе не может выполнять финансовые обязательства. По расчетам разных организаций, при неконтролируемом дефолте этой страны Еврозоне грозит потеря более 1 триллиона евро. Такой сценарий развития событий беспокоит не только европейцев. Почти четверть валютных резервов Китая (3,2 триллиона долларов) держатся в евро, поэтому обвала европейской валюты Китай стремится не допустить.

Кредитные проблемы в Европе обусловлены не только мировым финансово-экономическим кризисом, заставившим правительства расходовать бюджетные средства на поддержку падающей экономики, но и различиями в уровне экономического развития стран, входящих в валютную зону. В условиях открытой конкуренции и отсутствия её ограничений (в виде собственной валюты и протекционистской политики) менее сильные в экономическом отношении государства южной части Еврозоны проигрывают соперничеству «северянам». Именно на этой основе, прежде всего в Греции и Италии, происходит, и имело место ещё до начала мирового кризиса, нарастание государственного долга. Похоже, что «вылечить» такие страны за счет оказания финансовой помощи и принуждения к затягиванию поясов практически невозможно: низкая конкурентоспособность постоянно порождает всё новые и новые долги. Лишь требующие длительного времени структурные перемены могут разрешить экономические проблемы таких стран.

Распространено мнение, что выход Греции и, возможно, некоторых других стран из валютной зоны был бы в связи с этим приемлемым решением, или наименьшим из двух зол. Правда, и он весьма проблематичен, так как это чревато масштабным падением производства в регионе.

Причины нынешнего долгового кризиса уходят корнями в события 1999 и 2002 годов, когда создавалась зона евро. Главными инициаторами проекта валютного союза были Германия и Франция. Авторитетные аналитические центры тогда давали рекомендации о соответствии финансовых систем стран-претендентов требованиям, необходимым для участия в еврозоне. Желая во что бы то ни стало войти в союз, Греция занижала уровень своего бюджетного дефицита. С другой стороны, крупные западноевропейские страны торопились, больше всего думая о гарантированном сбыте своей продукции и захвате всего европейского рынка, что со временем и произошло. Расходы стран ЕС росли, приходилось занимать. Затем стали выпускать государственные облигации. Часть западноевропейских банков их покупала, но когда стало понятно, что темпы роста экономики в ряде государств настолько низки, что не позволяют обеспечивать покрытие выпущенных бумаг и займов, то оставалось надеяться лишь на Европейский ЦБ.

В 2011 году безработица в странах еврозоны достигла рекордного за последнее время уровня – 16,5 млн человек. Хуже всего обстоят дела в Испании, где безработица перешагнула за пятимиллионный рубеж – без постоянного заработка остаются почти 23% её дееспособных жителей. Не многим лучше ситуация в Греции. По мнению экономиста Citigroup Гийома Менюэ, в 2012 году количество безработных в странах Евросоюза будет только увеличиваться: «Часто можно видеть, как фирмы продолжают задерживать инвестиционные проекты. Те, кто все еще работает с прибылью, новых работников не нанимают. Для тех же, кому грозит ухудшение финансовых показателей или убытки, сокращение персонала становится единственным возможным решением».

Британский журналист Джон Ворд утверждает, что еще в январе этого года крупнейшие банки Уолл-стрит располагали информацией о точной дате греческого дефолта, запланированного на 23 марта. Он приводит факты существования тайного соглашения между Германией, МВФ и США об «ампутации» Греции и контроле над ситуацией, так как спасение мировой банковской системы всегда оставалось их важнейшей задачей. В начале марта Греции всё же удалось договориться с подавляющим большинством кредиторов о реструктуризации долга, но так, что это сочли «контролируемым дефолтом». Главы европейских стран вздохнули с облегчением. Но надолго ли спокойствие?

В СМИ всё чаще раздаются тревожные голоса. Профессор экономики Гарвардского университета Кеннет Рогофф полагает, что в Европе помимо экономического наличествует и политический, конституционный кризис. «Если, – утверждает он, – она не сможет превратиться в Соединенные Штаты Ев-

ропы, не думаю, что еврозона сохранится как устойчивое образование”. Джон Тейлор из FX Concepts разместил в интернете послание, в котором говорится: “Рынок ещё не открыл глаза на последствия краха Греции. Еврозона будет смертельно ранена, и мир перенесет значительную рецессию, может быть, такой же глубины, как и в 2008 году. Европейские банки потеряют большую часть своего капитала, и многие из них окажутся под угрозой банкротства. Но так же, как и после краха банка “Леман Бразерс”, правительства попытаются спасти банки и держателей их облигаций, независимо от ситуации с платежеспособностью. Банки потеряют всякий интерес к европейской суверенной бумаге, что вызовет режим строгой экономии, за которым последуют дефляция и бесконтрольное печатание денег. Европейская рецессия войдет в книгу исторических рекордов”.

Стагнирующие Штаты Америки

Многим казалось, что кризисное падение в главном экономическом центре мира закончилось к середине 2009 года, а восстановление началось той же осенью. С полгода экономика США росла темпом в 5%, но затем он снизился до 1,6%, чего никто из прогнозистов не ожидал. Во второй половине 2010 года рост замедлился до 1%, а безработица поднялась до 10%. Страна погрузилась в депрессивное состояние и вновь оказалась на грани очередного спада. С тех пор экономика США растет черепашьями темпами. В 2011 году её ВВП США увеличился всего лишь на 2%, а резервная армия труда намного меньше не стала. Несмотря на финансовые послабления (QE) и наличие денежного капитала, инвестиционный климат не улучшился, а госдолг продолжал расти и превзошел все прежние рекорды, перевалив за астрономическую величину в 15 триллионов долларов.

Из-за накопленной компаниями и домохозяйствами задолженности новые кредиты затруднительны. Поэтому рабочие места создаются незначительно. При таком слабом экономическом росте и сопутствующих ему других негативных тенденциях угроза новой рецессии существует. Тем более что здесь, как и в Европе, приостановлены бюджетные вливания. Это вызывает сокращение социальных расходов, рост напряженности в обществе. С осени прошлого года возникло и не затихает движение “Захвати Уолл-стрит”. И надо признать, что оно бьет в точку. Ведь борьба с непосредственной причиной нынешнего глобального кризиса – масштабной спекулятивной деятельностью, вызывающей финансовое “пузырение” и последующее их “лопание”, – не ведется так масштабно и последовательно, как следовало бы.

Принятые антикризисные меры направлялись в основном против ликвидации последствий, а не для искоренения факторов случившегося. Эти проблемы обсуждают на встречах G-20, однако действенных решений не находят. К тому же крупнейшие финансисты мира всячески противятся какому-либо ограничению хедж-фондов и прочих спекулятивных институтов и инструментов. Стало быть, возможности для очередных спекулятивных ажиотажей, надувания новых финансовых пузырей сохраняются. К тому же национальные интересы стран играют свою роль, что также препятствует императиву регулирования глобального капитализма.

Рассуждая о перспективах дальнейшего хода событий, следует принимать в расчет и тот важный факт, что крах спекулятивной модели капитализма не отменяет традиционной цикличности развития, а дополняет её и переплетается с ней. Видные и проницательные российские ученые-экономисты (С. Глазьев, С. Миньшиков) не без оснований полагают, что помехой скорого выхода из кризиса является понижительная фаза “длинной волны” Кондратьева. Пятый технологический уклад уже прошел пиковую фазу и находится где-то на склоне, если не на излете. Правда, информационно-компьютерные технологии продолжают быстро развиваться. Но и они уже прошли период своего взрывного роста. К тому же их удельный вес в большинстве экономик не столь уж велик. Так, в США развивающие интернет-сервисы и программные продукты создают лишь чуть более одного процента американского ВВП, а в Европе – и того меньше. Выручка компьютерного гиганта Microsoft в последние годы была в 3 с лишним раза меньше, чем у Toyota, у Google – в 4 раза меньше, чем у Siemens.

Начавшаяся в нулевые годы понижительная фаза продолжится ещё как минимум пять лет и будет обуславливать вялое состояние мировой и амери-

канской экономической конъюнктуры. Лишь только после того, как новый технологический уклад обретет вполне определенный вид, наберет силу и мировой размах, может наступить коренной перелом в характере воспроизводственного процесса глобального капитализма, а промышленный подъем будет опираться на прочный, долговременный фундамент.

Экономическая политика правительства США и других стран Запада подвергается критике со стороны ряда ученых, в частности нобелевского лауреата по экономике Пола Кругмана. Долги правительства, считает он, не страшны сами по себе. Главное – это обеспечить экономический рост, и тогда удельная доля долгов уменьшится сама собой. Для этого надо увеличить налогооблагаемую базу и бюджетные расходы. Главное – это заставить любой ценой экономику расти.

В своей колонке в “Нью-Йорк таймс” он утверждает: “Когда Кейнс писал о необходимости выхода из депрессии, Британия была в долгах глубже, чем любая развитая страна сегодня (за исключением Японии). Конечно, Америка, с её неумным антианалоговым настроем, не имеет правительства, “ответственного” в этом смысле. Но в этом случае вина не в нашем долге, а в нас самих. Долг значим. Но другие вещи сейчас значимее. Нам нужно больше, а не меньше, правительственных расходов, чтобы вывести нас из ловушки безработицы. И плохо информированные, одержимые долгом глупцы стоят у нас на пути”.

Считая, что американская экономика демонстрирует первые признаки выздоровления, Кругман подчеркивает, что немалые риски остаются, и один из них заключается в европейском кризисе, способном сорвать позитивный тренд.

США, по его мнению, следует сейчас тратить деньги в таких же масштабах, как во времена последней мировой войны. “Что нам сейчас нужно, – утверждает он, – так это экономический эквивалент войны. На самом деле, Великую Депрессию свела на нет программа многочисленных общественных расходов, более известная под именем Второй Мировой Войны”. Он заявил, что войны в Ираке и Афганистане, хотя и затратные, малы для оказания стимулирующего воздействия на экономику. Недавно он призвал разыграть трюк с вторжением в Америку из космоса: “Если мы вдруг обнаружим, что инопланетяне планируют атаку, и нам, чтобы противостоять угрозе из космоса, нужно организовывать оборону, то дефициты с долгами отойдут на второй план, а спад закончится в течение полутора лет. А потом мы скажем, ой, мы ошиблись, нет никаких пришельцев”.

Ослабление экономических позиций США находит свое выражение и в сфере геополитики.

Как меняется мироустройство

Корни нынешней конфигурации мирового порядка произрастают из событий начала 1990-х годов, когда “холодная война” между двумя противоположными и противоборствующими общественными системами закончилась победой Запада и развалом социализма во главе с Советским Союзом. “Независимая” Россия пошла по пути капитализма. Биполярный мир уступил место однополярному. Американский социолог японского происхождения Фрэнсис Фукуяма сразу же в одноименной книге объявил “Конец истории”, а доктрина Рох Americana как будто бы воплотилась в жизнь, во всяком случае, на какое-то время. Разумеется, западноевропейские страны никогда не были и не стали безропотными сателлитами США. Между Старым и Новым светом всегда имелись и имеются немалые трения и противоречия. Но по кардинальным вопросам они почти всегда выступают в унисон и действуют сплоченным кланом.

Вскоре после “исторических перемен” экономическая структура России приняла однобокий вид, превратившись в поставщика сырьяевых товаров Западу и импортера готовой продукции. Мы мечтали и надеялись занять место под солнцем среди ведущих развитых капиталистических государств, но оказались на периферии мировой экономики в числе развивающихся стран, в прежнем так называемом “третьем мире”. Там, впрочем, не скатились на самое дно, а закрепились на более или менее почетном месте – среди стран БРИК. Правда, в её рамках, как уже отмечалось, числимся отстающими. Темпы роста экономик Индии и Китая превосходят наши более чем в два раза. Особенно разителен разрыв по выпуску высокотехнологичных товаров. Китай на этом направлении занимает уже 1-е место в мире (17,1% мирового рынка,

тогда как США – 17%). Доля же России в мировом экспорте хайтек-продукции в последние годы колеблется от 0,2 до 0,3%.

По имеющимся оценкам, глобальный рынок высоких технологий возрастет в текущем десятилетии с 3 до 10–12 триллионов долларов. В то же время объем рынка энергетических ресурсов увеличится с 0,7 до 1 триллиона долларов, в результате чего произойдет масштабное изменение соотношения высокотехнологического и энергосырьевого рынков с сегодняшнего 4:1 до 10:1. Стало быть, наше положение на мировой экономической арене существенно ослабится.

Позиции же Китая резко усилятся. Не исключено, что он займет наше прежнее место и станет новым полюсом в меняющемся мировом порядке. И дело не только в том, что ВВП Поднебесной вскоре сравняется с американским. Или что Китай теперь уже обладатель самых крупных в мире золотовалютных резервов и кредитор № 1 США. Главное состоит в том, что он представляет альтернативный Западу тип развития, иную экономическую модель. Это не капитализм, хотя Китай и проделал за истекшие 33 года немалый путь в направлении рынка. Это и не социализм, хотя теоретики и руководители КПК называют господствующий у них строй “социализмом с китайской спецификой”. Здесь правит бал смешанное конвергентное общество с планово-рыночной экономикой, царит симбиоз, по сути дела, новый способ производства, идущий на смену и либеральному капитализму Запада, и социализму, остатки которого функционируют в Северной Корее и на Кубе.

И политически Великий Дракон представляет собой скорее соперника, чем союзника США. Не случайно американские ракеты сегодня в основном направлены на Китай, а не на Россию. Таким образом, выходит, что мир движется к новому биполярному мироустройству, но для нас уже в нем уготовано иное место. И надо смотреть правде в лицо. В сложившихся ныне условиях наши попытки играть в сверхдержаву не имеют под собой достаточных оснований. Кроме того, такого рода акции были бы на руку нашим геополитическим противникам и позволили бы им под разными предлогами восстановить единый антироссийский фронт по образцу антисоветского блока времен “холодной войны”.

На февральском, принципиально важном голосовании по Сирии в Совете безопасности ООН мы с Китаем оказались единственными союзниками. На принятие резолюции, открывающей путь к очередной агрессии Запада в ближневосточной стране, было наложено вето. Похоже, что эта линия продолжится и в будущем. А с позапрошлого года Китай стал для нас и главным торговым партнером.

В начале текущего года известный китайский ученый-экономист Ху Анганг, находясь в Москве, представил доклад в Институте Дальнего Востока РАН “Китай и мир к 2030 году” (China and the World by 2030, Hu Angang, Institute for Contemporary China Studies, Tsinghua University, 2012, Moscow). Ху Анганг – профессор Пекинского университета Цзинхуа и директор Центра по исследованию Китая КАН (китайской Академии наук). Центр относится к числу оказывающих влияние на формирование политики КНР “думающих танков”. Из доклада следует, что при сохранении нынешних темпов роста (7–8%) Китай к 2020 году по ВВП нагонит США, а к 2030 году экономика Поднебесной превзойдет американскую экономику более чем в два раза. При этом китайский ВВП на душу населения к 2030 году будет составлять от 52 до 56% соответствующего показателя США. К этому времени Китай превратится в главный центр инновационного развития. Его научно-технический потенциал составит 30% мирового – больше, чем у США и Евросоюза вместе взятых. По расчетам Ху Анганга, соответствующая доля России будет равна 2,3%.

Так как же видится наше расположение на политико-экономической карте мира в будущем?

В оптимистическом сценарии через 10–15 лет мы, удерживая нынешние темпы роста экономики и при сохранении высоких цен на нефть и газ, можем подняться на пятое место в мире по размерам ВВП (после Китая, США, Индии и Японии). В этом случае предполагается также, что политическая турбулентность у нас пойдет на убыль и не выльется в нечто непредсказуемое. Мы не станем экономической сверхдержавой, но перейдем из мировой периферии в число передовых государств.

Но и при таком варианте развития событий слабым местом будет консервация сырьевой хозяйственной структуры, так как в мировой экономике всё большую роль будут играть высокотехнологичные и инновационные компоненты.

Пессимистический сценарий предполагает, что спекулятивный и бюрократическо-олигархический характер российского капитализма не только застопорит перевод экономики на инновационный путь развития, но и чреват провокацией социального взрыва. В таком случае политико-экономические контуры страны не поддаются какому-либо четкому определению.

Ориентиры и задачи

Во время предвыборных дебатов между Михаилом Прохоровым и Сергеем Мироновым телеведущий Владимир Соловьев задал вопрос – какие страны кандидат в президенты от партии “Справедливая Россия” считает для нас ориентиром? Странник социал-демократии назвал скандинавскую группу.

В ней и в самом деле высокий уровень жизни. По ВВП на душу населения Норвегия (84 840 долл. США) занимает 4-е место в мире после Катара, Люксембурга и ОАЭ. В первую десятку по этому показателю входят также Швеция, Дания и Финляндия. Продолжительность жизни в регионе составляет у мужчин в среднем 78 лет, у женщин – 82,6 года. Расходы государственного бюджета в процентах от ВВП здесь выше на 3–5% по сравнению со средними показателями по Европе. Причем затраты на социальную защиту, здравоохранение, образование и услуги составляют в общих расходах до 80%. Если сравнить эти же государства по динамике Индекса человеческого развития (синтезированного показателя, учитывающего среднедушевой ВВП, продолжительность жизни и уровень образования граждан) с Великобританией и США, то видно, что социал-демократические страны идут впереди. И по распределению доходов они отличаются в лучшую сторону. Децильный коэффициент (или индекс Джинни) в них значительно ниже, чем у других. Расходы же на исследования и разработки (R&D), напротив, выше, а показатели Швеции и Финляндии превосходят даже японские!

Однако в связи с экономическим спадом на континенте темпы роста скандинавских стран составляют от 1% (Дания) до 4% (Швеция). Поэтому наряду с ориентацией на опыт Скандинавии нам следует обратить взор и на практику рекордсменов мирового развития, в частности, таких наших партнеров по БРИКС, как Китай и Индия. Оба государства, как говорилось, показывают преимущества смешанной конвергентной экономики. И наша социальная модель должна воспринимать лучшие и подходящие для нас элементы их формаций и структур. Такая ориентация не противоречит поиску собственного варианта. Но не надо изобретать велосипед, если он уже существует.

Мы уже не раз подробно останавливались на экономических задачах, стоящих на повестке дня. Поэтому лишь подытожим их в самом кратком виде: 1) возрождение планового регулирования на новой демократической основе, 2) демонополизация экономики и усиление её конкурентных начал, 3) улучшение инвестиционного климата с целью привлечения иностранного капитала и прекращения оттока капитала из страны, 4) диверсификация экономики, 5) снижение уровня социального расслоения в обществе.

Международные цели определяются нашим местом в мировом политико-экономическом пространстве. Россия, как и другие государства БРИКС, находится в G-20 (Группе-20), и нам, естественно, следует поддерживать добрые отношения с развитыми капиталистическими странами Запада. Но некоторые из них ведут против нас подрывные действия через неправительственные организации (НПО) и прочих “агентов влияния”, включающих и отделения транснациональных корпораций. НАТО не прекращает попыток дальнейшего продвижения на Восток и строительства новых объектов военной инфраструктуры в непосредственной близости от наших границ, создания под нажимом США системы ПРО в Европе.

Военное вмешательство США, Запада и НАТО в Ираке, Ливии и других странах Северной Африки и Ближнего Востока чревато для нас потерей нарабатанных за десятилетия позиций на местных рынках, лишением крупных коммерческих контрактов. Причем ниши тотчас же заполняются экономическими операторами тех государств, которые приложили руку к смене правящих

режимов. В последней “международной” статье В. Путина в связи с этим подмечено: “Может возникнуть мысль, что сами трагические события в определенной степени были протестированы не заботой о правах человека, а чьей-то заинтересованностью в переделе рынков. Как бы то ни было, но нам, конечно, нельзя с олимпийским спокойствием взирать на всё это. И мы намерены активно работать с новыми властями арабских стран, чтобы оперативно восстановить наши экономические позиции”.

С союзниками по БРИКС нам надо развивать всесторонние связи, тем более что Китай теперь уже один из важнейших центров глобальной экономики. Мы должны активнее выстраивать новые кооперационные направления, сопрягая технологические и производственные возможности наших стран, умело задействуя китайский потенциал в целях хозяйственного подъема Сибири и Дальнего Востока. Нам следует продолжать оказывать друг другу поддержку на мировой арене, сообща решать острые региональные и глобальные проблемы, наращивать взаимодействие в Совете Безопасности ООН, ШОС и других многосторонних механизмах.

Следует также всячески укреплять отношения с другим азиатским гигантом – Индией, с которым нас связывают традиционно дружеские отношения. От этого выиграют не только наши страны, но и вся меняющаяся система мирового порядка. России следует стремиться наладить более тесную координацию с партнерами по внешнеполитическим вопросам, плотнее работать на площадке ООН. Когда “пятерка” развернется по-настоящему, её влияние на мировую экономику и политику будет весьма весомым.

Находящиеся в кризисном состоянии Евросоюз и еврозона не могут не затрагивать интересов России – прежде всего с учетом того, что ЕС является нашим крупнейшим внешнеэкономическим и торговым партнером. А от состояния дел у европейцев в значительной мере зависят перспективы развития всей глобальной экономической конструкции. Из кризиса в Европе для нас следуют кое-какие уроки.

Один из них состоит в том, что следует быть весьма осмотрительными при укреплении Таможенного союза с Белоруссией и Казахстаном, формировании единого экономического пространства. Путь к нему уже проложен, получила развитие идея Евразийского экономического союза, который должен заработать к 2015 году. Конечно, хорошо было бы восстановить с Украиной добрые партнерские отношения. Включение её в Таможенный союз способствовало бы интересам обеих сторон. Однако не следует торопиться с расширением трехстороннего объединения. Лучше предварительно укрепить его наднациональными структурами, сделать интеграцию необратимой и взаимовыгодной для всех её составляющих сторон. Но эта интеграция вовсе не противоречит широкому охвату стран СНГ военным сотрудничеством, развитию Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

И последнее по счету, но не по значению: надо оздоровить и усилить оборонно-промышленный комплекс, деградировавший в годы односторонних уступок Западу и следования политике, диктуемой Вашингтонским консенсусом. Из либеральных кругов иногда раздаётся критика по поводу запланированных руководством страны крупных трат на эти цели в грядущие годы. Это, мягко говоря, недальновидно. Мы живем в чрезвычайно сложном, турбулентном мире, где нарастает террористическая активность, маячит угроза распространения оружия массового уничтожения, в ряде мест тлеют региональные конфликты, готовые вспыхнуть масштабными пожарами, участилось применение силы со стороны НАТО в стремлении навязать угодные Западу порядки в той или иной стране. США руководствуются идеями обеспечения себе “абсолютной неуязвимости”, расшатывающей систему безопасности для всех. По сути, это возвращение к агрессивному девизу, пущенному в оборот древнеримским военным историком и писателем Вегецием: “Хочешь мира – готовься к войне”. У нас, конечно, нет желания участвовать в новом туре гонки вооружений. Но нельзя и забывать о принципе разумной достаточности, о том, что с нами будут считаться лишь тогда, когда мы будем сильны во всех отношениях.